

Из слов Сунь Сянпина Сунь Цзинь узнал, что Сунь Синлань поступил в ту же старшую школу, где раньше учился он сам, и что учится вполне сносно, вот только характер у него испортился окончательно. На глазах у Сунь Цзиня Сунь Сянпин бесчисленное количество раз называл Сунь Синланя негодяем.

— Думал, в старшей школе хоть немного ума наберется, а он все такой же.

Сунь Цзинь безвкусно жевал еду во рту и отвечал:

— У него просто такой характер. Если не лезет на рожон, то еще ладно.

— С его-то нравом, кто знает, когда он снова натворит дел, — Сунь Сянпин холодно фыркнул. — Его просто избаловали.

Сунь Цзинь лишь слабо улыбнулся.

Прошло минут десять. Сунь Сянпин то и дело поглядывал на Сунь Цзиня, явно собираясь что-то сказать, но не решаясь.

Сунь Цзинь сделал глоток воды:

— Пап, что-то случилось?

Впрочем, Сунь Цзинь и сам догадывался: Сунь Сянпин собирался жениться.

С этой женщиной Сунь Сянпин встречался уже почти год. Ее звали Юань Я, она работала учительницей, обладала изысканной красотой, была чуть старше тридцати и прежде никогда не была замужем. Сунь Сянпин уже дважды приводил ее на ужины с Сунь Цзинем.

Сунь Цзиню было все равно, собирается ли Сунь Сянпин жениться и на ком именно. Он лишь надеялся, что отец не станет поступать так же, как в прошлом: разбивать чужие сердца и оставлять после себя горькие плоды.

Конечно, у него не было права указывать Сунь Сянпину, как жить. Каждый идет своим путем, и главное, чтобы самим участникам все нравилось.

— Это касается меня и твоей тети Юань, — Сунь Сянпин улыбнулся. — Мы тут подумали и решили, что через некоторое время зарегистрируем брак, а потом пригласим всех на ужин. Она говорит, не нужно никакой пышной свадьбы, лучше обойтись чем-то простым.

Сунь Цзинь кивнул.

— А Синлань... он знает? — спросил Сунь Цзинь.

— Я заводил с ним разговор, но он никак не отреагировал. Впрочем, ему всегда было все равно на подобные вещи, — ответил Сунь Сянпин. — Посмотришь на него: ни до чего ему дела нет, целыми днями ходит и сам не знает о чем думает.

Сунь Цзинь промолчал. Хотя он и не знал, как именно Сунь Сянпин ладил с Сунь Синланем все прошедшие десять лет, он мог догадаться: душевных сил в младшего сына отец вкладывал куда меньше, чем материальных.

Он не верил, что Сунь Синланю абсолютно все равно, просто он действительно не мог угадать, что творится в голове у брата.

Вскоре Сунь Сянпин и Юань Я зарегистрировали брак. В тот же вечер Сунь Сянпин позвал Сунь Цзиня и Сунь Синланя, сказав, что сначала они поужинают вчетвером как семья, а через несколько дней соберут остальных родственников и друзей.

Сунь Цзинь как раз уезжал на выездную съемку, а после ее окончания сломя голову помчался в ресторан. Остальные уже были на месте.

Стол оказался немаленьким. Сунь Сянпин и Юань Я сидели рядом, а Сунь Синлань — на самом дальнем конце по диагонали, опустив голову и ковыряясь в телефоне.

Сунь Цзинь подошел и сел, оставив между ними два пустых места.

Он бросил взгляд на профиль брата. За два года они почти не виделись, и черты лица младшего стали резкими и жесткими. Переносица заметно выше, длинные ресницы отбрасывали тень, а от всей его фигуры по-прежнему веяло нерастрачаемым холодом. Казалось, ему абсолютно плевать на все вокруг.

Словно почувствовав на себе взгляд Сунь Цзиня, Сунь Синлань медленно повернул голову. Его угольно-черные глаза встретились со взглядом старшего брата — тяжелым, но ровным.

Внезапно открывшиеся глаза зверя, в глубине которых таилась предупреждающая угроза. Казалось, этот взгляд был направлен не на лицо Сунь Цзиня, а прямо в его сердце, прорвав преграду из одежды.

Сунь Цзиня словно ударило в грудь, дыхание перехватило, и он торопливо отвел глаза.

Он не мог объяснить свои ощущения. Сунь Синлань будто изменился: раньше он был достаточно острым на язык и дерзким, но теперь, за эти два года, в нем словно проросло нечто исконное, стократ усилившее все темные черты его характера. При этом исчезла показная резкость, сменившись тяжелым, давящим холодом и молчанием, от которых при внимательном

рассмотрении становилось не по себе.

О чем говорили Сунь Сянпин и Юань Я, Сунь Цзинь улавливал лишь наполовину. Сунь Синлань хранил молчание, но Юань Я, похоже, давно привыкла к его нраву — на ее лице не дрогнул ни один мускул. Она по-прежнему мягко улыбалась и предлагала братьям положить побольше еды.

Прошло минут десять. Сунь Синлань бросил палочки, убрал телефон в карман брюк и поднялся из-за стола.

— Куда это ты? Мы еще не доели, — сурово бросил Сунь Сянпин.

— Душно, пойду подышу воздухом, — бесстрастно ответил Сунь Синлань.

Его голос стал ниже, чем раньше, в тоне не слышалось прежней колючести, да и слова звучали спокойно. По сравнению с тем взбалмошным и непокорным подростком он определенно сильно изменился.

И все же Сунь Цзиню такой Сунь Синлань казался еще более пугающим, ведь невозможно было угадать, что скрывается под этой внешней оболочкой.

После ухода Сунь Синлани атмосфера за столом немного разрядилась. Юань Я заговорила с Сунь Цзинем, и все стало казаться вполне гармоничным.

Внезапно зазвонил телефон — это был преподаватель. Сунь Цзинь извинился перед Сунь Сянпином, сделал жест рукой и вышел в коридор, чтобы ответить на звонок.

Оказалось, возникли проблемы с сегодняшними данными геодезической съемки — пропал один файл. Подумав немного, Сунь Цзинь предположил, что документ случайно остался в другой папки, и попросил учителя поискать там.

Файл действительно нашлся. Преподаватель обменялся с ним еще пара дежурных фраз и повесил трубку.

Сунь Цзинь опустил голову, потер переносицу и уже собирался завернуть в уборную, чтобы ополоснуть лицо, как вдруг за углом заметил курящего Сунь Синлани, прислонившегося к стене.

Младший слегка опустил голову, его профиль в легкой дымке сигаретного дыма казался нечетким, но очертания проступали отчетливо. Длинные пальцы, зажимающие сигарету, придавали этому жесткий, почти художественный образ.

Сунь Цзинь подумал, что от работы с цифрами у него уже поехала крыша, раз он начал подмечать изящество линий в фигуре собственного брата.

Раз уж он зашел так далеко, возвращаться назад было бы слишком демонстративно. Оставалось только сделать вид, что он ничего не заметил, пройти мимо Сунь Синланя и освежить лицо в умывальне.

Когда Сунь Цзинь вышел, Сунь Синлань как раз затушил сигарету.

Младший повернулся к нему с полуулыбкой на губах:

— Мой день рождения снова на носу. Что на этот раз подаришь?

Сунь Цзинь тотчас вспомнил то лето двухлетней давности, когда Сунь Синлань изрезал в ключья его подарок, а потом увеличил во много раз и распечатал ту злосчастную фотографию, ставшую результатом глупого недоразумения, чтобы сунуть ее прямо ему в руки.

Стоило ему вспомнить воздух того вечера, поток машин на дороге и бумагу, трепещущую в лучах света, как к горлу подступала тошнота.

Никто не знал, что после той ночи он целую неделю страдал от кошмаров. Ему снилось, будто эту фотографию напечатали тысячами копий и расклеили по всем углам школы, у входной двери дома, на центральных улицах. Толпы людей тыкали в него пальцами, Сунь Сянпин стоял с ледяным лицом, а Сунь Синлань, устроившись наособицу от зевак, злобно кривил голову в улыбке, приоткрывал рот и произносил лишь одну фразу:

— Посмотри на себя.

Сунь Цзинь опускал глаза и видел, что стоит в самом центре толпы совершенно голый, а вокруг него кружатся смазанные кадры чужих поцелуев, грозя захлестнуть с головой.

К счастью, это был всего лишь сон. Просыпаясь посреди чернильной ночи, Сунь Цзинь утешал себя этой мыслью.

И вот теперь главный виновник тех кошмаров с абсолютно невозмутимым видом спрашивает, что тот собирается ему подарить.

Сколько же в этом было наигранной издевки и чистейшего зла.

Сунь Цзинь понял, что не ошибся: Сунь Синлань действительно стал еще хуже.

Не сказав ни слова, он опустил голову и шагнул вперед.

— Сунь Цзинь, — окликнул его младший.

Когда Сунь Цзинь обернулся, Сунь Синлань безжалостно бросил в лицо:

— Твоя мама умерла всего два года назад, а ты уже спокойно и без зазрения совести можешь называть чужую женщину матерью?

Сунь Цзинь замер на месте.

То, что Сунь Синлань не признавал их матерей, Сунь Цзиню было уже безразлично, но если брат решил использовать это для насмешек, Сунь Цзинь был не против выяснить, у кого из них больше прав называть себя пострадавшим.

— Тебя это вообще касается? — Сунь Цзинь в упор посмотрел на него. — Раз уж она моя мама, с какой стати тебе ее судить?

Сунь Синлань не разозлился — напротив, его губы тронула презрительная ухмылка.

— Твоя манера строить из себя праведника так похожа на Сунь Сянпина.

Сунь Цзинь уже собирался бросить в ответ: А ты на него похож еще больше, но Сунь Синлань неожиданно протянул руку, вцепился в ткань на его плече и резко толкнул спиной о стену.

Лопатки больно ударились о штукатурку. Сунь Цзинь поморщился:

— Ты...

— На что ты пялился на меня за столом? — Сунь Синлань подался вперед, сокращая расстояние. От него все еще пахло табаком — терпкий запах взрослой жизни, совершенно неуместный в его возрасте. — Что, не смог найти другого мужчину и теперь заришься на собственного младшего брата?

Сунь Цзинь признавал: внешность Сунь Синлани обладала безоговорочной привлекательностью хоть для женщин, хоть для мужчин. Но он также признавал, что большая часть слов, слетавших с уст Сунь Синлани, вызывала у него омерзение.

Да, именно омерзение. Раньше, памятуя о его юном возрасте, о недопонимании и о том, что из-за семейных неурядиц мальчик не получил нормального воспитания, Сунь Цзинь пытался понять и стерпеть. Но сейчас этому человеку уже семнадцать лет, а из его уст льется еще

более бесстыдная и грязная грязь.

Сунь Синлань впервые назвал себя младшим братом, но сделал это в таком контексте, что от этого просто сносило крышу.

— Сунь Синлань, не тошни меня, — Сунь Цзинь дрожал от злости, сжав зубы до скрипа. — Ты способен говорить только о подобной мерзости?

— Разве этой мерзости мало? Что мне еще сказать? — Сунь Синлань сжал кулак и уперся им в стену возле самого уха Сунь Цзиня. Его глаза вспыхнули недобрым огнем, полыхая в давящей тишине. — Сказать, как вы с матерью сбежали, оставив меня как мертвого? Или как она признавала только тебя, считая меня мусором?

— Во всем случившемся виноват отец! — когда эту тему наконец озвучили напрямую, Сунь Цзиню захотелось выплеснуть наружу всё, что накопилось. Он схватил Сунь Синланя за воротник и прошипел: — Думаешь, кто-то хотел уходить? Думаешь, кому пришлось хуже всех? Во всем мире только ты один ходишь оскорбленный и обиженный на всех, какое ты имеешь право!

— Какое право? Какое еще право мне нужно?! — Взгляд Сунь Синланя был свирепым, как у волка, в нем сквозила кровожадная готовность растерзать жертву. — Да, Сунь Сянпин виноват, а я в чем провинился? С какой стати всю свою злобу надо было вымещать на мне, почему меня записали в копию Сунь Сянпина и даже смотреть в мою сторону не хотели?! Разве вы оба безгрешны? Вы что, святые мазаные, вашу мать?!

— Мы не святые, — в тот же миг Сунь Цзинь почувствовал, как из него уходят последние силы.

Он вдруг осознал, что преграда в душе Сунь Синланя выше любых доводов. Что бы он ни сказал, это не поможет, а оправдываться не имеет никакого смысла — ненависть, копившаяся десяток лет, не испарится от одной перепалки.

Не стоит тратить силы.

Сунь Цзинь опустил руки и произнес:

— Но по крайней мере мы с тобой не из одного теста.

— О да, вы просто великие мученики, — бросил Сунь Синлань.

Затем он резким движением перехватил Сунь Цзиня за горло, впечатав его затылок обратно в стену, и, наклонившись, почти соприкоснулся с ним носами. В этом пугающе близком взгляде застыл арктический холод, от которого стыла кровь:

— Сунь Цзинь, перестань строить из себя жертву. Я тебе ничего не должен.

Произнеся это, он медленно приподнял подбородок, едва не касаясь губами губ старшего брата. Сунь Цзинь покрылся холодным потом от легкого удушья, широко распахнув глаза и крупно дрожа всем телом.

— Синлань... — выдавил из себя Сунь Цзинь хриплым, сорванным голосом.

В его прекрасных влажных глазах плескался страх на грани надлома, смешанный с растерянностью и хрупкостью.

Инстинкты кричали об опасности, но эта угроза давно перешла все границы того, что он был способен вынести.

— Каждый раз, когда ты произносишь мое имя, меня от этого выворачивает, — прошептал Сунь Синлань, не отводя глаз и удерживая дистанцию в считанные миллиметры. — Тошнит так, что хочется разорвать тебя на куски.

С этими словами свежий воздух хлынул в легкие, запах табака рассеялся. Сунь Цзинь осел спиной о стену, тяжело дыша и не смея поднять взгляд на эту высокую, пугающую спину.

Его младший брат был безумцем.

<http://bllate.org/book/22345/2341086>